

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1168-1177. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1168
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

“Turned the Ruble over the Entire Cossack Economy”: the Evolution of the Don Cossack Households in 1860–1890

Artyom Yu. Peretyatko ^{a,*}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

Questions about the social status of the Cossacks attracted serious attention of authoritative historians from the Soviet era (only for the Don Host we can distinguish the works of V.A. Zolotov, A.I. Kozlov, V.P. Trut). However, only the period that immediately preceded the 1917 revolution was deeply studied, and the researchers were not able to develop a generally accepted classification system for Cossack households. This article attempts to analyze the previous stage of the evolution of Cossack farms in the years 1860-1890, relying on the methods and approaches proposed by contemporaries (V.Ya. Biryukov, P.G. Mordvintsev, N.A. Maslakovets). The article is based on the works of these authors and materials of the State Archive of the Rostov Region (GARO). The article concluded that the dynamics of the development of Cossack households were determined not by the economic indicators of these farms themselves, but by the policy of the Russian Empire in relation to the Cossacks and the development of military affairs. It was a sharp increase in the cost of equipment and a reduction in the subsidies to Cossacks from military sums in 1870 predetermined the transition of the Cossacks from cattle breeding to agriculture as the main employment. In 1890 these same factors led to the beginning of the depletion of Cossack lands and a serious crisis of the average Cossack households. And the main conclusion of the article is that the classification system of Cossack households cannot be created without taking into account non-economic factors.

Keywords: economic history of the Don, Cossack cattle breeding, Cossack agriculture, N.A. Maslakovets, P.G. Mordvintsev, V.Ya. Biryukov.

1. Введение

Социальное положение российского казачества накануне 1917 г. привлекало внимание многих историков. Современный исследователь В.П. Трут в монографии «Дорогой славы и утрат: казацьи войска в период войн и революций» приводит более десяти оценок социальной дифференциации казаков, предложенных советскими и российскими авторами (Трут, 2007: 84-88). Однако полученные ими результаты совершенно не согласуются между собой, что В.П. Трут связывает с тем, что «различные, подчас противоречивые и спорные выводы по проблеме социальной дифференциации казачества являются прямым следствием не столько ее сложности, хотя она сама по себе достаточно непростая, сколько отсутствием среди исследователей какого-либо общепризнанного подхода к ее разрешению» (Трут, 2007: 87). Действительно, даже если брать только Донское Войско, то доля бедняков в нем будет колебаться от 24,6 % у А.И. Козлова до 57 % у Д.С. Бабичева, а доля кулаков – от 10–15 % у И.П. Борисенко до 30 % у В.А. Золотова (Трут, 2007: 84-88). Отдельного внимания заслуживает то, что историки до сих пор рассматривают социальное положение казачьих хозяйств в статике, а не в динамике. Так, из всех приведенных В.П. Трутом авторов только Д.С. Бабичев обращался к концу XIX в., а все остальные в своих оценках социальной дифференциации казачества заглядывали в прошлое не дальше 1900 гг. (Трут, 2007:

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

84-88). С нашей точки зрения, попытка изучить экономическое положение казачьих хозяйств в более ранний период давно назрела, причем представляется перспективным сделать это на достаточно длительном хронологическом отрезке, чтобы проследить именно эволюцию социальной дифференциации казачества и выявить влияющие на нее внеэкономические факторы.

Именно подобную попытку мы и планируем предпринять в своей статье, избрав для изучения одно из казачьих войск, Донское Войско второй половины XIX в.

2. Материалы и методы

К сожалению, как раз статистические источники по истории Донского края, на которые сейчас обычно опираются, исследуя социальное положение казачества, не вызвали особого доверия у современников. Вот как отзывались о них члены специальной комиссии, изучавшей в 1899 г. причины обеднения донского казачества, так называемой комиссии Н.А. Маслаковца: «Всякого рода цифровые сведения, собираемые станичными и хуторскими правлениями по приказанию начальства, в особенности, если срок для их представления не велик, не имеют действительной статистической ценности и во всяком случае не могут служить основанием для решающих выводов серьезных экономических вопросов» (*Протоколы...*, 1899: 156). Поэтому мы в своей статье будем обращаться не к официальным статистическим сведениям, но к авторским исследованиям и личным наблюдениям конкретных лиц. Конечно, может возникнуть вопрос о том, насколько допустимо распространять сделанные на основании такой информации выводы на все донское казачество. Однако крупнейший донской статистик второй половины XIX в., Н.И. Краснов, был сторонником как раз подобного метода статистического исследования. Указывая на невозможность собрать сколько-либо удовлетворительные статистические данные по всему Донскому Войску, он предлагал вместо этого «собирать данные <...> в наиболее видных пунктах и, выведя из них процентные содержания, применять их ко всей области» (*ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1. Л. 303 об.*). И, независимо от Н.И. Краснова, комиссия Н.А. Маслаковца в своих исследованиях пошла именно этим путем: вместо изучения положения казачьих хозяйств по всему войску, были выбраны 10 наиболее репрезентативных станиц, и на их основании сделана оценка социального положения донских казаков (*Протоколы...*, 1899: 106).

Заслуживает внимания и еще одна идея комиссии. Дело в том, что само понятие «бедных», «средних» и «богатых» казачьих хозяйств трактовалось разными авторами совершенно по-разному. Здесь уместно снова сослаться на В.П. Трута, отмечавшего, что исследователи обычно оценивали богатство казачьего хозяйства по количеству скота и сельскохозяйственного инвентаря, хотя даже их полное отсутствие не мешало «заниматься садоводством или виноградарством и получать доходы, превосходящие средний уровень» (*Трут, 2007: 87-88*). Между тем Н.А. Маслаковец, опытный чиновник, всю жизнь прослуживший в гражданском управлении казачьих войск, предложил принципиально иной способ деления казачьих хозяйств, хотя самих слов «бедные», «средние» и «богатые» он не использовал. Вместо этого он предлагал разделить казачество на три группы, причем в первую группу хозяйств должны были относиться те, которые могли «выставлять в совершенно исправном виде одного из своих членов на действительную службу», не разоряясь от этого; во вторую – те, которые «теряли хозяйственную устойчивость при всяком обстоятельстве, выходящем из среды обыкновенных житейских потребностей»; а в третью – те, которые «за редкими лишь исключениями являлись постоянными должниками станичного общества за снаряжение их при выходе на действительную службу» (*Маслаковец, 1899а: 46*). Таким образом, Н.А. Маслаковец предлагал оценивать не абсолютную зажиточность казачьего хозяйства, но его относительную дееспособность к отбытию важнейшей государственной повинности, военной службы. При этом следовало учитывать, что стоимость этой службы не была величиной постоянной, и только прямые расходы на покупку казаком амуниции и строевого коня в 1860–1890 гг. выросли примерно втрое, с 70–100 руб. до 250–300 руб. (*Перетяцько, 2018: 164*)! Нетрудно понять, что условное казачье хозяйство, способное выделить около 100 руб. на снаряжение на службу, в 1860 гг. было бы отнесено по классификации Н.А. Маслаковца к первой группе, а в 1890 гг. безнадежно скатилось бы к третьей. Но с учетом специфики казачьего быта эта относительность результатов кажется нам большим плюсом данной классификации, поскольку очевидно, что, по мере удорожания казачьей службы, абсолютные критерии «бедности» и «богатства» казачьих хозяйств пришлось бы корректировать. Поэтому в мы будем использовать именно классификацию Н.А. Маслаковца, для краткости именуя хозяйства его первой группы богатыми, второй группы – средними и третьей группы – бедными.

Основу данного исследования составят работы трех авторов, в конце XIX в. не только пытавшихся понять, как выглядит среднее казачье хозяйство, но и предложивших первые модели такого хозяйства: работы В.Я. Бирюкова, П.Г. Мордвинцева и Н.А. Маслаковца. Нами так же будут использоваться более общие работы по донской статистике (Н.И. Краснова и С.Ф. Номикосова) и архивные материалы Государственного архива Ростовской области (ГАРО). Применяя к этим источникам историко-описательный и историко-сравнительный методы, можно проследить эволюцию казачьих хозяйств в 1860–1890 гг.

3. Результаты

До 1870 гг., исходя из классификации Н.А. Маслаковца, бедных хозяйств на Дону не было вовсе. О казачьих семьях, не способных снарядиться на службу самостоятельно, писали уже в начале XIX в., однако их снаряжали не в долг, а под условие исполнения натуральных повинностей в пользу станицы (Захаревич, 2005: 64). Позже вообще было введено специальное вспомоществование неисправным (т.е. неспособным самостоятельно снарядиться на службу) казакам из специально созданного для этого военного капитала и других средств Донского Войска (Маслаковец, 1899а: 41-42; Протоколы..., 1899: 115). Таким образом, еще в середине XIX в. неисправные казаки, по существу, снаряжались за государственный счет, причем либо безвозмездно, либо под условие натуральных повинностей. При этом общая стоимость лошади и снаряжения, как указано выше, не превышала 70–100 руб., а возможность использования вещей, бывших в употреблении и сделанных в собственном хозяйстве, дополнительно сокращала денежные траты. Члены комиссии Н.А. Маслаковца описывали это время следующим образом: «Казак <...> вел типичное натуральное хозяйство. Не имел он повода и не знал нужды в рубле и все существенные потребности как свои, так и основной повинности своей – службы, удовлетворял натуральными средствами своего хозяйства: шел на коне, дома выращенном, с сбруей на нем самодельковой, одетым шел в неприхотливый наряд» (Протоколы, 1899: 100). Поэтому нет ничего удивительного, что еще в 1870 г. Военное министерство так характеризовало положение донского казачества: «Казак живет зажиточно, собственные их постройки, так же как и общественные – в хорошем состоянии, храмы Божии благолепны, вообще нужды в станице не замечается и нищенства не существует» (Протоколы..., 1899: 104). Подобное положение признавали даже оппозиционные правительству авторы, например, донской общественный деятель Х.И. Попов, в 1863 г. сопоставляя казачье население Земли Войска Донского и крестьянское население российских губерний, подчеркивал: «Мы кругом видим у себя общее благосостояние жителей, в большей или меньшей мере для всех равное; если мы не слишком богаты, то и не бедны в сравнении с русскими поселянами» (Х.П., 1863: 3).

Основным занятием донских казаков в это время все еще оставалось скотоводство. В 1863 г. депутаты хоперских станиц прямо писали, что «для пользы целого общества (станичного – А.П.) прежде всего нужны пастбища для табунов» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 15). При этом, по оценке современников, как раз в Хоперском (и Устье-Медведицком) округах Донского Войска было наиболее развито земледелие (Краснов, 1863: 248). Прямо указывал на скотоводство как основной источник благосостояния казачьих станиц и Н.И. Краснов: «И теперь еще скотоводство составляет первенствующую отрасль донского хозяйства, и для простых казаков и небогатых чиновников оно более важно, чем земледелие; ибо от продажи скота получают они главный доход. Казак, снаряжаясь на службу, продает часть воспитанных им животных и за вырученные деньги покупает амуницию, оружие, сбрую, а коня обыкновенно имеет собственного» (Краснов, 1863: 292). Хлебопашеством казаки занимались мало не только из-за отсутствия острой необходимости в этом, но и из презрения к занятию, которое они сами называли «хамским» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 11).

Ситуация начала стремительно меняться в 1870 гг. под воздействием целого ряда факторов. Прежде всего, начала стремительно расти стоимость снаряжения. Из-за повышения требований к нему к началу русско-турецкой войны 1877–1878 гг. выход на службу обходился донскому казаку уже в 150–180 руб. (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 46). При этом было запрещено использовать самодельное и бывшее в употреблении снаряжение (Протоколы, 1899: 34). Казакам срочно потребовались деньги, о чем в протоколах комиссии Н.А. Маслаковца также рассказывалось очень красноречиво: «Но вот просвистел свисток паровоза. Просвистел и новую, могучую струю внес в жизнь и весь уклад казака: в короткий период сознательной жизни человека, его из условий жизни почти номада вдвинул в условия, где с могучей властью командует и все регулирует рубль, к которому нынешний казак в начале своей сознательной жизни относился почти презрительно и который теперь все собой в его жизни определяет. Перевернул этот рубль все казачье хозяйство; заставил его отделиться от соседа, строго ограничить свое от чужого, заставил и землю разделить, и все помыслы направить к одному себе – рублю. Прежде показателем богатства казачьего служило количество скирд хлеба и скота, теперь же – количество рублей» (Протоколы..., 1899: 100-101). Иными словами, из-за необходимости покупки снаряжения на смену натуральному хозяйству у казаков стало быстро приходиться хозяйство денежное.

С другой стороны, с 1872 г. все денежные средства Донского Войска были слиты в единый войсковой капитал, из которого пособия неисправным казакам могли выдаваться только «с разрешения войскового наказного атамана или войскового штаба, по представлениям атаманов отделов» (О войсковом капитале..., 1871: 56-57). Между тем войсковой штаб все чаще получал сообщения такого, например, содержания: «В недавнем времени Михайловской станицы казак Дмитрий Хоперсков, по состоянию в очередной маршевой команде, был исправлен на станичную сумму, на что затрачено 66 руб.; казак этот, воспользовавшись поездкой в другую станицу, продал и коня, и все воинское снаряжение, деньги растратил, и теперь, к объявленному на днях походу на службу, он явится ни с чем. По здравому смыслу и по желанию общества следовало бы его предать военному суду, но подобное преступление законом не предусмотрено, и казака этого, по неимению

более станичных сумм, придется: или перевести в заднюю очередь, что составит вопиющую несправедливость, или исправить на счет войска. Случай этот не единственный» (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 208 об.-209 об.). Понятно, что в таких условиях войсковые власти все меньше хотели снаряжать казаков за войсковой счет, и выплаты вспомоществований из войскового капитала при выходе на службу сперва были ограничены, а с 1885 г. прекращены вовсе (Маслаковец, 1899а: 41-42; Протоколы..., 1899: 115). Станичные правления к этому времени тоже перешли от натурального хозяйства к денежному и снаряжали казаков в долг, а не под натуральную отработку. Поэтому не удивительно, что именно в 1870 гг. в Донском Войске появилось множество экономически недееспособных казаков, «постоянных должников станичного общества за снаряжение их при выходе на действительную службу».

В ходе мобилизации во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. из 17 659 казаков второй очереди финансовая помощь потребовалась 6 013, или 34 % (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 46). Любопытно, что о 35 % неспособных самостоятельно снарядиться на службу казаков в это время говорил и атаман 2 отдела области Войска Донского (он же относил к богатым 25 % казачьего населения) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 185 об.-186 об.). От станиц и войска неисправные казаки получили 214 386 руб. 23 коп. (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 46). Таким образом, уже к концу 1870 гг. больше 1/3 казаков были бедными по классификации Н.А. Маслаковца! Кстати, именно он, занимавший в конце 1870 гг. должность помощника донского атамана, первым обратил внимание на один важный феномен: благосостояние донских казаков и их готовность самостоятельно снарядиться на службу напрямую зависели от «сельскохозяйственной производительности», соотношения в казачьем хозяйстве скотоводства и более экономически эффективного земледелия (Маслаковец, 1880: 84). Эту мысль Н.А. Маслаковец иллюстрировал следующей красноречивой таблицей:

Таблица 1. Соотношение финансовой помощи на душу мобилизуемого казака с некоторыми экономико-статистическими показателями в военных отделах области Войска Донского (1877–1878 гг.)

Отдел	Средняя цифра пособий	Душевой надел	Размер запасек на среднюю семью
1 военный отдел	24 руб. 33 коп. на казака	До 23 десятин	До 2 1/2 десятин
2 военный отдел	5 руб. 9 коп. на казака	До 16,6 десятин	До 6 1/2 десятин
3 военный отдел	5 руб. 6 коп. на казака	До 19,9 десятин	До 5 десятин
4 военный отдел	2 руб. 80 коп. на казака	До 19,3 десятин	До 6 1/2 десятин
5 военный отдел	3 руб. 55 коп. на казака	До 17,6 десятин	До 8 десятин

Источник: Маслаковец Н.А. Объяснительная записка к вопросу о применении к области Войска Донского земской реформы на основаниях, соответствующих местным условиям края и бытовым особенностям главной (казачьей) массы ее населения. Новочеркасск, 1880. С. 83-84.

Как нетрудно заметить, непропорционально большая задолженность за помощь при снаряжении на службу была характерна для 1 военного отдела области Войска Донского, на территории которого земледелие было развито слабее всего. Н.А. Маслаковец пошел еще дальше и попытался сопоставить эффективность земледелия казачьих хозяйств нескольких округов, в том числе преимущественно скотоводческого Черкасского округа (1 военный отдел) и Хоперского округа (5 военный отдел), в котором было сильнее всего развито земледелие из всех казачьих территорий области Войска Донского.

Разумеется, помимо земледелия, казаки занимались и другими промыслами, в частности, в Черкасском округе были наиболее развиты «рыболовство, прасольство, горный промысел, торговля, писарство и др.» (Маслаковец, 1880: 21). Как мы увидим ниже, скотоводство как подсобный вид занятий донских казаков сохранило значение до самого конца XIX в. Однако Н.А. Маслаковец вполне резонно отмечал, что именно земледелие в перспективе могло принести донским казакам наибольший доход. По его мнению, если бы семейство указанного им состава качественно обрабатывало 12 десятин земли, его доход в среднеурожайный год достигал бы 160 руб. (Маслаковец, 1880: 27)! Каждая дополнительно запаханная десятина резко повышала доходность казачьего хозяйства, и, соответственно, для того, чтобы остановить обеднение казачества, было необходимо, чтобы сами казаки перешли от скотоводства к земледелию как к основному источнику своего благосостояния.

Таблица 2. Среднее казачье хозяйство 1880 г., по: Н.А. Маслаковцу (с дифференциацией по округам)

	Черкасский	Усть-Медведицкий	Хоперский
Состав	2 взрослых казаков, 2 подростков, 2 детей		
Площадь надела	72 дес.	50 дес.	58 дес.
Площадь запашки	2,5 дес.	6,5 дес.	8 дес.
Лошадей	0,8	1,3	1,4
Пар волов	1,1	1,7	1,3
Годовая потребность в зерне	24 четв.		
Годовой урожай зерна	11,5 четв. (48 % от потребности)	29,25 четв. (121,9 % от потребности)	36 четв. (150 от потребности)
Годовой доход от земледелия (рассчетный)	- 125 руб.	52 руб. 50 коп.	120 руб.

Источник: Маслаковец Н.А. Объяснительная записка к вопросу о применении к области Войска Донского земской реформы на основаниях, соответствующих местным условиям края и бытовым особенностям главной (казачьей) массы ее населения. Новочеркасск, 1880. С. 17-27.

И этот переход действительно произошел. В комиссии Н.А. Маслаковца доклад о экономическом состоянии казачества готовил П.Г. Мордвинцев, оппозиционно настроенный по отношению к председателю и даже выступавший с его персональной критикой ([Протоколы.., 1899: 173-177](#)). Тем не менее и он писал о 1870 гг. дословно следующее: «В 70 году размер посевов хлеба на семью равнялся 5 десятинам, а в настоящее время размер этого посева поднялся до 12 десятин на семью. Это увеличение количества посевной площади только подтверждает свидетельствованный членами комиссии факт еще не завершившегося перехода в 70 годах в системе казачьего хозяйства – от скотоводственной к форме, в основу которой легла зерновая система хозяйства» ([Протоколы..., 1899: 174](#)). Существуют и иные источники, подтверждающие, что переход от скотоводства к земледелию как основному занятию казачьих хозяйств действительно приходился на 1870 гг. Во всяком случае секретарь Новочеркасского статистического комитета С.Ф. Номикосов в 1884 г. уже писал, что на Дону «земледелие есть господствующее занятие жителей» ([Номикосов, 1884: 370](#)). По его сведениям, в станицах под пашни отводилось 14–20 % земли ([Номикосов, 1884: 371](#)). Однако скотоводство все еще играло важную роль, которую С.Ф. Номикосов характеризовал так: «На счет доходов со скота казак снаряжается на службу, и эти же доходы помогают всему населению области переживать бедствия неурожайных лет. Домашний скот – это запасной капитал земледельца области, капитал, увеличивающийся, то уменьшающийся, смотря по степени урожайности хлебов» ([Номикосов, 1884: 432](#)). Более того, доля земель, использовавшихся под пастбища, в казачьих хозяйствах превышала 40 % и была больше доли, отведенной под пашни ([Номикосов, 1884: 371-372](#)). Судя по всему, если в 1860 гг. скотоводство кормило казаков, то в 1870–1890 гг. хлеб насыщенный им уже давало земледелие, но скот оставался основным источником денежного заработка.

Между тем стоимость коня и снаряжения продолжала расти, и к концу 1890 гг. выход на службу обходился донскому казаку в 250–300 руб., еще дороже, чем в 1870 гг. При этом была существенно усовершенствована система контроля над готовящимися к службе казаками. Администрация донского атамана Н.А. Святополк-Мирского даже ставила себе в заслугу то, что ей удалось добиться «добавления к комплекту офицеров донских казачьих полков потребного числа офицеров для формирования в военное время казачьих дивизий из льготных полков» ([ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3216. Л. 40б.](#)). По мнению донского общественного деятеля В.Я. Бирюкова, на практике это привело к тому, что на Дону появилось «89 человек, главная и почти исключительная обязанность которых – наблюдать за исправным снаряжением казаков на службу и проверять боевую готовность льготных частей» ([Протоколы..., 1899: 119](#)). При этом не только были прекращены выплаты вспомоществований бедным казакам из войсковых сумм, но и изыскивались новые и новые способы заставить их каким-то образом компенсировать станичные расходы по снаряжению на службу. Апофеоза подобная правительственная политика достигла с принятием «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденного 3 июня 1891 года», одна из статей которого формулировалась следующим образом: «В отношении отдельных членов станичного общества, замеченных в расточительности и неисправно отбывающих воинскую, земскую и станичные повинности или являющихся неисправными плательщиками лежащих на них долгов в войсковые и общественные суммы станичный сбор имеет право принимать следующие меры: 1) распоряжаться доходом с принадлежащего сим лицам недвижимого имущества; 2) отдавать их в посторонние заработки и распоряжаться выработанными ими суммами; 3) назначать к ним опекунов; 4) продавать движимое и недвижимое их имущество, согласно статьям 92–96; 5) лишить таких лиц на

известный срок права распоряжения предоставленными им поземельными паями, принимая эти паи в свое распоряжение» (*Положение...*, 1891: 47-48).

«Нередко сводится со двора и продается с аукциона последняя корова или лошадь, отбирается шуба, полости, самовары», – так описывал В.Я. Бирюков деятельность властей по взысканию долгов с казаков, снаряженных на службу за станичный счет (*Протоколы...*, 1899: 119). В этой ситуации казачьи хозяйства, лишённые прежней защиты и поддержки сверху, или адаптировались к новым условиям товарной экономики и земледелия, или разорялись. Ситуацию хорошо понимали уже современники, Н.А. Маслаковец, например, утверждал: донской казак часто разоряется потому, что «не успел как бы следовало ориентироваться в целой массе нахлынувших на него новых нравственных, культурных и служебных условий, с серьезным влиянием которых, как в данном случае и не совсем благоприятных, казаку с его устаревшим мировоззрением и не вполне отвечающим современным обстоятельствам хозяйственным приемам справиться уже очень затруднительно» (*Маслаковец, 1899b: 4*). Соглашался с ним и П.Г. Мордвинцев, сообщавший на этот счет следующее: «Очевидно, казак запутался; очевидно, произошел какой-то резкий перелом в его жизни, который не дал ему ни времени, ни возможности разобраться в новых, надвинувшихся на него условиях, разобраться и последовательно перейти от одной формы хозяйства к другой, логически за ней следующей» (*Протоколы, 1899: 100*).

Как раз П.Г. Мордвинцев и В.Я. Бирюков в 1899 г. разработали собственные модели средних казачьих хозяйств, некоторые их показатели приведены ниже.

Таблица 3. Среднее казачье хозяйство 1899 г., по: П.Г. Мордвинцеву

Состав	4 взрослых казака, 1 подросток, 2 детей
Площадь надела	Более 30 дес.
Площадь запашки	18 дес.
Лошадей	1,88
Пар быков	2
Годовая потребность в зерне	204 пуда
Годовой урожай зерна	330 пудов (161,8 % от потребности)
Годовой доход от земледелия	69 руб. 30 коп.

Источник: Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. С. 106-109.

Таблица 4. Среднее казачье хозяйство 1899 г., по: В.Я. Бирюкову

Состав	2 взрослых казака, 6 подростков и детей
Площадь надела	-
Площадь запашки	13,39 дес.
Лошадей	2
Пар быков	2
Годовая потребность в зерне	255 пудов
Годовой урожай зерна	366 пудов (143,5 % от потребности)
Годовой доход от земледелия	48 руб. 50 коп.

Источник: Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. С. 116-117.

Нетрудно заметить, что, если в 1880 г. даже в самом земледельческом Хоперском округе семья запахивала в среднем не более 8 десятин, то к 1899 г. средняя запашка на семью по Донскому Войску превысила 10 десятин, а по оценке П.Г. Мордвинцева, даже простиралась до 18 десятин (впрочем, возможно, здесь он несколько преувеличивал; выше мы приводили другую его цитату, где он утверждал, что семьи донских казаков запахивали в среднем по 12 десятин). Выросла и товарность зерна: если в 1880 г. только в самом земледельческом Хоперском округе производство зерна в среднем хозяйстве достигало 150 % от его собственных потребностей, то к 1899 г. тот же показатель был характерен для всего Донского Войска в целом. Переход от скотоводства к земледелию произошел даже в Черкасском округе, в котором к 1899 г. на казачью душу мужского пола засеивалось 4 десятины (*Протоколы...*, 1899: 144). Таким образом, с карты области Войска Донского быстро исчезали районы, не обеспечивающие себя зерном и вынужденные закупать его на стороне, тратя на это столь необходимые деньги. Вероятно, если бы стоимость снаряжения стабилизировалась на уровне 1870 гг., этого оказалось бы достаточно, и большая часть казачьих хозяйств постепенно вернулась к прежней зажиточности. Подобный вариант развития событий был тем более вероятен, что скотоводство по-прежнему оставалось важной подсобной сферой казачьего хозяйства, и даже в 1899 г. оно играло большую роль в получении казаками денежных доходов, чем земледелие. Так,

по оценке П.Г. Мордвинцева, за продажу скота среднее казачье хозяйство ежегодно получало 95 руб. (Протоколы..., 1899: 109), а по оценке В.Я. Бирюкова – 70 руб. (Протоколы..., 1899: 116). Однако снаряжение, как мы помним, стремительно дорожало, а казачьи хозяйства нуждались в деньгах и для собственных нужд.

Любопытно, что, судя по всему, урезать свои траты в связи с ростом расходов на военную службу казаки не собирались. По данным известного донского статистика И.В. Тимощенко, в 1870 г. в Урюпинской станице благополучнейшего Хоперского округа бедные и средние хозяйства тратили около 150 руб. на 10 человек в год (при этом чистая прибыль среднего хозяйства в этой станице составляла целых 118 руб.) (Луночкин, 2000: 153). В 1899 г. разоряющиеся и впадающие в нищету казачьи хозяйства тратили примерно столько же. Так, средняя казачья семья (в интерпретации П.Г. Мордвинцева) расходовала в год 142 руб. 19 коп. на 7 человек, причем раз в два года покупались три пары праздничных сапог, женщинам ежегодно заказывались новые платья, а 17 руб. 60 коп. вообще шли на «чай, сахар, водку, угощения» (Протоколы..., 1899: 109). Средняя казачья семья (в интерпретации В.Я. Бирюкова) на 8 человек тратила 158 руб. 50 коп., причем 11 руб. 50 коп. отводилось на праздники, а 20 руб. на покупку чая, меда и прочих лакомств (Протоколы..., 1899: 117). В итоге складывалась парадоксальная ситуация: по внешним признакам, по площади запахаиваемых земель и количеству голов скота средние казачьи хозяйства конца XIX в. выглядели достаточно зажиточно, да и жили они, не стесняя себя в расходах. Однако, снаряжая на службу даже одного казака, эти хозяйства «теряли хозяйственную устойчивость», поскольку обеспечить сколько-либо серьезных накоплений им обычно не удавалось (что в общем-то было не удивительно при столь непроизводительных тратах) (Протоколы..., 1899: 109-110, 117).

И в итоге, когда тот же П.Г. Мордвинцев попытался разделить казачьи хозяйства на богатые, средние и бедные, исходя из собственной оригинальной классификации (он ставил во главу угла способность хозяйства к самостоятельной обработке земли), богатыми оказалось 21,6 % хозяйств, средними – 45 % хозяйств, а бедными – 33,4 % хозяйств (Протоколы..., 1899: 108). Н.А. Маслаковец позже совершенно некорректно использовал те же числовые показатели при делении казачества по трем предложенным им группам (Маслаковец, 1899а: 46). Понятно, что из-за неспособности столь значительной части казаков самостоятельно снарядиться на службу, их долги станичным правлениям с каждым годом возрастали и к 1898 г. достигли огромной суммы в 1 141 249 руб. (Протоколы..., 1899: 99). Тем не менее, если просто сравнить доли богатых, средних и бедных хозяйств в 1870 в 1890 гг., может показаться, что значительных изменений не произошло и жалобы донских авторов на обеднение казачества были сильно преувеличены.

Однако на самом деле принятие упомянутого выше «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденного 3 июня 1891 года» значительно ухудшило положение средних хозяйств. Вот как описывал В.Я. Бирюков положение подобного хозяйства, вынужденного выставлять на службу молодого казака: «Громадные затраты даже от среднезажиточной семьи неминуемо потребуют не только особенного напряжения сил семьи, не только сокращения расходов на питание, обувь, одежду, на ремонт сельскохозяйственного инвентаря, но вызывают необходимость в сбыте рабочего скота, быков и лошадей: в счастливом случае обыкновенно после снаряжения казака в полк от четырех рабочих сил останется две, пара быков и одна лошадь» (Протоколы..., 1899: 117). П.Г. Мордвинцев, вполне соглашаясь с этим описанием, напоминал, что от количества рабочего скота зависела площадь обрабатываемой земли, и, с его точки зрения, хозяйство, имеющее меньше трех рабочих сил, неизбежно скатывалось из самостоятельной хозяйственной единицы в «группу чужих работников, выделяющих из себя нищенствующих» (Протоколы..., 1899: 110). Таким образом, после того, как казаки перестали получать вспомоществования при снаряжении на службу, процесс их разорения, очевидно, ускорился, и для адаптации к изменившимся условиям необходимы были новые трансформации казачьих хозяйств.

Между тем даже предыдущая трансформация – переход от скотоводству к земледелию – к концу 1890 гг. не приняла устойчивых форм. Казаки многих станиц впали в крайность: как показала инспекция военного министра А.Н. Куропаткина в 1900 г., они «распахивали под хлеб, без удобрения почвы и не применяя никакой системы севооборота, весь или большую часть своего паевого надела, отчего земля сильно истощалась (курсив А.Н. Куропаткина)» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 23 об.). Страх перед истощением земель быстро принял даже у образованных казаков совершенно фантастические формы: так, В.Я. Бирюков считал, что еще в первой половине XIX в. средние урожаи на Дону составляли сам-20 и сам-30, однако затем началось стремительное падение урожайности (Протоколы..., 1899: 115). На самом же деле, с 1820 гг., когда средние донские урожаи не превышали сам-4 и сам-5 (Сухоруков, 1891: 201-202), до конца столетия ситуация почти не изменилась: в 1893–1898 гг. донские казаки, по данным П.Г. Мордвинцева, все еще собирали урожаи в сам-4,2 для озимых и сам-4,9 для яровых (Протоколы..., 1899: 108). Таким образом, земля еще оставалась достаточно плодородной (по крайней мере, прогресс в методах землепользования не отставал от истощения земли), но было неизвестно, сколько времени она останется таковой при все более хищнической эксплуатации.

Впрочем, и власти, и либеральные донские деятели хорошо понимали, за счет чего можно было помочь казакам улучшить свое материальное положение. Как писал В.Я. Бирюков, «если прежде главным залогом прочного благосостояния казаков было – обилие и плодородие земли (а не питейный доход, удовлетворявший тогда только незатейливые общественные и земские повинности и выручавший казака в несчастных случаях), то теперь таковым может быть только личный, постоянно-упорный и свободный труд казака и усовершенствование этого труда» (Бирюков, 1899: 13). Н.А. Маслаковец, совершенно иначе расставляя акценты, по существу, говорил о том же самом: «Пора же наконец казакам, особенно южных округов области, оставить легкий, пассивный образ косного существования, поддерживаемый сдачей земель в арендное содержание, вступить на серьезный, освященный знанием и опытом путь личной инициативы и активной деятельности в сфере эксплуатации окружающих их естественных богатств природы. <...>. Но казаку до всего этого самому не додуматься и не достигнуть. Ему необходимы: пример, нравственная и экономическая помощь и надлежащие указания начальства» (Протоколы..., 1899: 153). Если в 1870–1890 гг. власти надеялись, что казаки каким-то образом сами адаптируются к экономическим изменениям, к переходу от скотоводства к земледелию и от натуральной экономики к экономике товарной, то с 1899 г. положение изменилось, и государство решило активно вмешиваться в адаптацию казачьих хозяйств к изменившимся условиям.

4. Заключение

Настало время подвести некоторые итоги. Мы должны констатировать, что степень зажиточности донских казачьих хозяйств определялась целым комплексом факторов, в числе которых экономические показатели самого хозяйства играли важную, но далеко не определяющую роль. Как минимум, не менее значимым фактором была финансовая поддержка сверху, сначала из войсковых, а затем из станичных сумм: до 1870 гг. неисправные казаки фактически снаряжались за счет войска или станицы, безвозмездно или за натуральную отработку, что в условиях гарантированного наделения казаков землей способствовало поддержанию даже беднейшими из них минимального уровня благосостояния. В результате, несмотря на то, что социальная дифференциация в станицах к этому времени зашла уже достаточно далеко, о настоящей «бедности» отдельных казачьих хозяйств в ту эпоху можно было говорить только с большими оговорками.

Подобная ситуация сравнительного благополучия была разрушена не столько естественными экономическими причинами, сколько как раз тем, что по мере роста стоимости казачьей службы войсковые власти попытались максимально переложить покупку коня и амуниции на счет простых казаков. После того как безвозвратные вспомоществования для выхода на службу были ограничены, очень быстро выяснилось, что около 1/3 казаков не способны снарядиться полностью за свой счет. И снова мы сталкиваемся с любопытной ситуацией: и в 1870 гг., и 1890 гг. донские авторы говорили примерно об одинаковой доле безусловно бедных казачьих хозяйств (35 % и 33,4 % соответственно). Судя по всему, в эту долю входили, главным образом, батраки («чужие работники» и «нищенствующие», по определению П.Г. Мордвинцева). Не слишком изменилась и доля безусловно богатых хозяйств, способных себе позволить большие траты, связанные с военной службой (25 % и 21,6 % соответственно). Относительная экономическая стабильность была обеспечена адаптацией казаков к изменившимся условиям: фактически за несколько десятилетий скотоводство как преобладающая отрасль экономики было вытеснено земледелием, что позволило получать с меньших земельных наделов большую прибыль. Мобилизация казаков в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. четко показала, что наименьшие долги на покупку снаряжения брались в тех округах, где казаки запахивали больше земли, даже если общая площадь их наделов при этом была относительно небольшой. Первая попытка смоделировать среднее казачье хозяйство, предпринятая в 1880 г. Н.А. Маслаковцем, показала те же результаты: в обычных случаях прибыльными могли быть только казачьи хозяйства, активно занимающиеся земледелием.

Однако к середине 1890 гг. возможности для развития казачьего сельского хозяйства в этом направлении были исчерпаны, поскольку рост запахиваемых площадей начал приводить к истощению земли. С другой стороны, все возрастающая стоимость казачьего снаряжения (другой фактор, влияющий на зажиточность казачества) стала приводить к полному разорению уже не только изначально бедных, но и средних казачьих хозяйств. Новые модели подобных хозяйств, предложенные П.Г. Мордвинцевым и В.Я. Бирюковым, ясно показали причины этого: их годовая прибыль никак не соответствовала стоимости амуниции и боевого коня, и снарядить казака на службу эти хозяйства могли только за счет массовой продажи необходимого в хозяйстве скота и предметов сельхозинвентаря, что неизбежно вело к их обеднению. Окончательный коллапс казачьей экономики сдерживала возможность снарядиться в долг, за счет станичных правлений, однако к 1899 г. финансовые ресурсы этих правлений оказались в значительной степени исчерпаны, а долги им за снаряжение достигли 1 141 249 руб.

И на рубеже XIX–XX вв. чиновники Военного министерства наконец осознали, хотя бы частично, специфику казачьей экономики и поняли, что самостоятельно, без поддержки государства, казакам становится все сложнее сохранять стабильность своих хозяйств в изменившихся условиях.

Именно государственная политика, определявшая объемы финансовой помощи простым казакам и стоимость казачьего снаряжения, оказалась важнее экономической эволюции казачьих хозяйств и не позволила в полной мере проявиться позитивным результатам перехода донских казаков от скотоводства к земледелию. И, вероятно, выработать «общепризнанный подход» к проблеме социальной дифференциации казачества, на отсутствие которого указывал В.П. Трут, удастся не раньше того момента, когда проблемы изменения благосостояния казачьих хозяйств будут рассматриваться историками не только в связи с экономическими факторами, но и с особенностями государственной политики Российской империи и с развитием военного дела.

Литература

Бирюков, 1899 – *Бирюков В.Я.* Доклад члена Комиссии В.Я. Бирюкова о влиянии воинской службы донских казаков на их хозяйственный быт. Новочеркасск, 1899. 13 с.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Захаревич, 2005 – *Захаревич А.В.* Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны. Ростов-на-Дону, 2005. 220 с.

Краснов, 1863 – *Краснов Н.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.

Луночкин, 2000 – *Луночкин А.В.* Хозяйство Хоперского округа в пореформенный период // Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград, 2000. С. 146-164.

Маслаковец, 1880 – *Маслаковец Н.А.* Объяснительная записка к вопросу о применении к области Войска Донского земской реформы на основаниях, соответствующих местным условиям края и бытовым особенностям главной (казачьей) массы ее населения. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1880. 124 с.

Маслаковец, 1899а – *Маслаковец Н.А.* О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области Войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.

Маслаковец, 1899б – *Маслаковец Н.А.* Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донцова. Новочеркасск, 1899. 11 с.

Номикосов, 1884 – *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.

О войсковом капитале..., 1871 – О войсковом капитале Войска Донского. СПб., 1871. 92 с.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Перетяцько, 2018 – *Перетяцько А.Ю.* О причинах экономического кризиса казачества накануне XX в.: динамика цен на казачье снаряжение в 1860–1890 гг. // Новое прошлое/The New Past. 2018. № 3. С. 156-167.

Положение..., 1891 – Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года. Новочеркасск, 1891. 51 с.

Протоколы..., 1899 – Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. 289 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сухоруков, 1891 – *Сухоруков В.Д.* Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. 302 с.

Трут, 2007 – *Трут В.П.* Дорогой славы и утрат: казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. 539 с.

Х.П., 1863 – *Х.П.* Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов // *Донские войсковые ведомости*. 1863. № 20. С. 2-3.

References

Biryukov, 1899 – *Biryukov V.Ya.* (1899). Doklad chlena Komissii V.Ya. Biryukova o vliyaniy voinskoi sluzhby donskikh kazakov na ikh khozyaistvennyi byt [Report of the Commission member V. Ya. Biryukov about the impact of military service of the Don Cossacks to their economic life]. Novocherkassk. P. 13. [in Russian]

ГАРО – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region]. [in Russian]

Н.П., 1863 – *Н.П.* Mysli kazaka o kazachestve po povodu sovremennykh sluhov [Thoughts about the Cossacks by Cossack about contemporary rumors]. *Donskie voyskovye vedomosti*. № 20. Pp. 2-3. [in Russian]

Krasnov, 1863 – *Krasnov N.I.* (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. P. 596. [in Russian]

Lunochkin, 2000 – *Lunochkin A.V.* (2000). Khozyaistvo Khoperskogo okruga v poreformennyi period [The economy of the Khopersky district in the post-reform period]. Kazachestvo: proshloe i nastoyashchee. Volgograd. Pp. 146-164. [in Russian]

Maslakovets, 1880 – *Maslakovets N.A.* (1880). Ob'yasnitel'naya zapiska k voprosu o primenении k oblasti voiska Donskogo zemskoi reformy na osnovaniyakh, sootvetstvuyushchikh mestnym usloviyam kraya i bytovym osobennostyam glavnoi (kazach'ei) massy ee naseleniya [Explanatory Note about the Question of the Application of the Reform of Zemstvo to the Don Host Oblast on the Grounds Corresponding to the Local Conditions of the Region and the Everyday Peculiarities of the Main (Cossack) Mass of its Population]. Novocherkassk. P. 124. [in Russian]

Maslakovets, 1899a – *Maslakovets N.A.* (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti voiska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtsa 23 avg. 1899 g. [About the activity of the Commission in Don Cossack Hosts which was supreme approved on June 16 1898 and about its results: Report of the Lieutenant-General of the General Staff Maslakovets, which is the order of the War Minister. Aug. 23 1899]. SPb. P. 123. [in Russian]

Maslakovets, 1899b – *Maslakovets N.A.* (1899). Predstavlenyye g. Predsedatelem komissii soobrazheniya po povodu dokladov gg. Mordvintseva, Biryukova i Dontsova. [Submitted by the Chairman of the Commission considerations of reports of Mordvintsev, Biryukov and Dontsov]. Novocherkassk. P. 11. [in Russian]

Nomikosov, 1884 – *Nomikosov S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. P. 774. [in Russian]

O voiskovom..., 1871 – O voiskovom kapitale Voiska Donskogo [About the military capital of the Don Host]. SPb. P. 92. [in Russian]

OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].

Peretyatko, 2018 – *Peretyatko A.Y.* (2018). O prichinakh ekonomicheskogo krizisa kazachestva nakanune XX v.: dinamika tsen na kazach'e snaryazhenie v 1860-1890 gg. [About the causes of the economic crisis of the Cossacks on the eve of the XX century: the dynamics of prices for Cossack equipment in the 1860-1890]. *The New Past*. № 3. Pp. 156-167. [in Russian]

Polozhenie..., 1891 – Polozhenie ob obshchestvennom upravlenii stanits kazach'ikh voisk, Vysochaishe utverzhdennoe 3 iyunya 1891 goda [Regulations about the public administration of the villages of Cossack Hosts, Highest approved on June 3, 1891]. Novocherkassk. P. 51. [in Russian]

Protokoly..., 1899 – Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti [Logs of the Commission for the Study of needs of the Cossack Population of the Don Region]. Bez mesta. 1899. P. 289 [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]. [in Russian]

Sukhorukov, 1891 – *Sukhorukov V.D.* (1891). Statisticheskoe opisanie Zemli Donskikh kazakov, sostavlennoe v 1822-1832 godakh [Statistical description of the Don Host Oblast, compiled in 1822-1832]. Novocherkassk. P. 302 [in Russian]

Trut, 2007 – *Trut V.P.* (2007). Dorogoi slavy i utrat: kazach'i voiska v period voin i revolyutsii [The road of glory and loss: Cossack Hosts in the period of wars and revolutions]. M. P. 593. [in Russian]

Zakharevich, 2005 – *Zakharevich A.V.* (2005). Donskie kazaki v boyakh s gortsami na Severnom Kavkaze na nachal'noi faze oboronitel'nogo perioda Kavkazskoi voiny [Don Cossacks in battles with mountaineers in the North Caucasus during the initial phase of the defensive period of the Caucasian War]. Rostov-on-Don. P. 220. [in Russian]

«Перевернул этот рубль все казачье хозяйство»: эволюция донских казачьих хозяйств в 1860–1890 гг.

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. С советских времен вопросы социального положения казачества привлекали серьезное внимание авторитетных историков (только для Донского Войска можно выделить работы В.А. Золотова, А.И. Козлова, В.П. Трута). Однако рассматривался преимущественно период, непосредственно предшествовавший революции 1917 г., причем исследователям не удалось разработать даже общепринятой системы классификации казачьих хозяйств. В данной статье предпринимается попытка проанализировать предыдущий этап эволюции казачьих хозяйств, пришедшийся на 1860–1890 гг., причем с опорой на методики и подходы, предложенные современниками (В.Я. Бирюковым, П.Г. Мордвинцевым, Н.А. Маслаковцем). На основании работ

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

этих авторов и материалов Государственного архива Ростовской области (ГАРО) в статье сделан вывод, что на динамику развития казачьих хозяйств определяющее влияние оказывали не экономические показатели самих этих хозяйств, но политика Российской империи по отношению к казачеству и развитие военного дела. Именно резкий рост стоимости снаряжения и сокращение вспомоществований казакам из войсковых сумм в 1870-е гг. предопределили переход казаков от скотоводства к земледелию как к основному занятию. В 1890-х гг. эти же факторы привели к началу истощения казачьих земель и серьезному кризису средних казачьих хозяйств. И основной вывод статьи заключается в том, что сама система классификации казачьих хозяйств не может быть создана без учета внеэкономических факторов.

Ключевые слова: экономическая история Дона, казачье скотоводство, казачье земледелие, Н.А. Маслаковец, П.Г. Мордвинцев, В.Я. Бирюков.